

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.093-103

А. В. Латынцев*

Предложения по дифференциации уровня размера вознаграждения патентообладателей в условиях ограничения их исключительных прав в сфере здравоохранения

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы правового реагирования на недобросовестные либо неэффективные действия патентообладателей при осуществлении ими исключительных прав в сфере здравоохранения. В качестве правового инструментария реагирования при данных обстоятельствах предлагается не только ограничение исключительных прав в соответствии с правилами ст. 1360, 1360.1 и 1362 Гражданского кодекса РФ, но и дифференциация размера вознаграждения (соразмерной компенсации), полагающегося патентообладателям. Уменьшение размера данного вознаграждения (вплоть до его обнуления) предлагается поставить в зависимость от наличия факторов недобросовестности действий либо бездействия патентообладателей, повлиявших на доступность на российском рынке фармацевтических и медицинских товаров, работ и услуг, в которых используются соответствующие объекты патентной охраны. Предлагаемая дифференциация, с одной стороны, позволит стимулировать патентообладателей к более активным действиям, направленным на обеспечение доступности на российском рынке соответствующих фармацевтических и медицинских товаров, работ или услуг, а с другой стороны, в правоприменительной практике унифицированно и более эффективно реагировать на недобросовестные действия или бездействие правообладателей, приведшие к проблемам с доступностью высоко социально значимых товаров в сфере здравоохранения. При этом отмечается несправедливость уравнивания всех зарубежных патентообладателей, связанных с недружественными странами, и обнуление размера их вознаграждения в ситуациях, указанных в абз. 2 п. 2 методики, утвержденной постановлением Правительства РФ от 18.10.2021 № 1767 (в редакции от 06.03.2022).

Ключевые слова: патенты; результаты интеллектуальной деятельности; ограничение исключительных прав патентообладателей; принудительное лицензирование; Соглашение ТРИПС; вознаграждение патентообладателей; соразмерная компенсация; фармацевтическое право; медицинское право; доступность товаров; недобросовестность; бездействие; дифференциация уровня вознаграждения патентообладателей.

Для цитирования: Латынцев А. В. Предложения по дифференциации уровня размера вознаграждения патентообладателей в условиях ограничения их исключительных прав в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 93–103. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.093-103.

© Латынцев А. В., 2023

* Латынцев Александр Викторович, кандидат юридических наук, директор Научно-исследовательского института правовых экспертиз и комплексных исследований
ул. Героев Панфиловцев, д. 9, корп. 3, г. Москва, Россия, 125480
info@niilex.ru

Proposals for Differentiating Remuneration for Patent Holders in the Context of Limiting their Exclusive Rights in Healthcare

Aleksandr V. Latyntsev, Cand. Sci. (Law), Director, Research Institute of Legal Expertise and Comprehensive Research
Geroev Panfilovtsev St, 9, bldg. 3, Moscow, Russia, 125480
info@niilex.ru

Abstract. The paper discusses current issues of legal response to unfair or ineffective actions of patent holders in the exercise of their exclusive rights in the field of healthcare. As a legal response tool in these circumstances, the author proposes not only to limit exclusive rights in accordance with the rules of Art. 1360, 1360.1 and 1362 of the Civil Code of the Russian Federation, but also differentiate the amount of remuneration (commensurate compensation) due to patent holders. It is proposed to reduce the amount of this remuneration (up to its zeroing) depending on the presence of factors of dishonesty of actions or inaction of patent holders that affected the availability on the Russian market of pharmaceutical and medical goods, works and services in which the corresponding objects of patent protection are used. The proposed differentiation, on the one hand, will stimulate patent holders to take more active steps aimed at ensuring the availability of relevant pharmaceutical and medical goods, works or services on the Russian market. On the other hand, in law enforcement practice, it will respond consistently and more effectively to unfair actions or inaction of rights holders, which led to problems with the availability of highly socially important goods in the healthcare sector. At the same time, it is noted that it is unfair to equalize all foreign patent holders associated with unfriendly countries and to zero the amount of their remuneration in the situations specified in paragraph. 2 clause 2 of the methodology approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated October 18, 2021 No. 1767 (as amended on March 6, 2022).

Keywords: patents; intellectual product; restriction of exclusive rights of patent holders; compulsory licensing; TRIPS Agreement; remuneration to patent holders; proportionate compensation; pharmaceutical law; medical law; availability of goods; dishonesty; inaction; differentiation of the level of remuneration of patent holders.

Cite as: Latyntsev AV. Proposals for Differentiating Remuneration for Patent Holders in the Context of Limiting their Exclusive Rights in Healthcare. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):93-103. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.093-103.

А. А. Мохов отмечает, что для медицинской деятельности в целом и ее обособленных блоков, частей характерно следующее: особое сочетание интересов ее субъектов и участников, а также государства и общества; специфический состав и сочетание экономических и неэкономических эффектов¹.

Для оптимизации сочетания и выравнивания баланса различных частных и публичных интересов в столь высоко социально значимой сфере, как здравоохранение, направлены, в

частности, правовые институты ограничения исключительных прав в случаях, предусмотренных в ст. 1360 и 1362 Гражданского кодекса РФ. Так, С. А. Сеницын приходит к обоснованному выводу, что правовым механизмом, направленным на создание оптимального баланса интересов производителей дженериков и оригинальных лекарственных препаратов, могли бы стать уточненные положения ст. 1360 ГК РФ². По мнению Т. В. Дерюгиной, суть ограничений заключается в том, что они уравнивают баланс интересов,

¹ Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4 (149). С. 93–104.

² Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства : монография / А. А. Аюрова, О. В. Гутников, С. А. Сеницын [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Сеницын. М. : ИЗиСП, Контракт, 2019. 208 с.

во-первых, публичных и частных, а во-вторых, частных и частных³.

Одной из проблем применения данных правовых механизмов является то, что они недостаточно гибкие и не учитывают, например, многие особенности поведения патентообладателей, в частности предшествующего и повлекшего ограничение их исключительных прав.

Так, отдельного внимания заслуживают злоупотребления исключительными правами недобросовестных патентообладателей, деятельность которых не учитывает общественные интересы и направлена на максимизацию прибыли. Среди негативных факторов в патентной сфере можно назвать формирование пулов «вечнозеленых» патентов, патентный троллинг, злоупотребление исключительными правами с целью увеличения прибыли за счет недобросовестного ограничения конкуренции и т.п.

К негативным тенденциям также следует отнести недостаточную активность некоторых патентообладателей в увеличении доступности социально значимых товаров, работ и услуг, в которых применяются принадлежащие им результаты интеллектуальной деятельности. Данные недоработки наиболее ощутимы в сфере инновационного здравоохранения.

Нельзя не учитывать также особенности реалий нашей страны, в которых зарубежные санкции могут влиять на доступность медицинской и иной высоко социально значимой продукции.

Одним из правовых механизмов реагирования на указанные негативные факторы может стать, наравне с ограничением исключительных прав недобросовестных и неэффективных патентообладателей, предусмотренным существующими в российском гражданском законодательстве правовыми институтами принудительного лицензирования и безлицензионного (бездоговорного) правомерного использования объектов патентной охраны без согласия их патентообладателей (ч. 3 ст. 1359 и ст. 1360, 1360.1 ГК РФ), также введение нормативной регламентации существенного уменьшения (вплоть до

его обнуления) размера вознаграждения, причитающегося патентообладателям, чьи действия являются недобросовестными.

Возможные подходы к дифференциации мер защиты исключительных прав патентообладателей в зависимости от соблюдения ими пределов осуществления прав и с учетом общественных интересов

В российской научной литературе можно встретить критику преобладающего в правоприменительной практике прямолинейного подхода к защите интересов патентообладателей и предложения по необходимости учета при разрешении патентных споров возможной недобросовестности правообладателей при осуществлении ими исключительных прав, а также учета общественных интересов.

А. С. Ворожевич по результатам исследования зарубежной практики конкретизировала два подхода к защите исключительного права:

1. «Немецкий» подход по принципу «всё или ничего», суть которого при рассматриваемых обстоятельствах сводится к тому, что суд при обнаружении использования в продукте ответчика охраняемого результата интеллектуальной деятельности истца применяет в качестве мер защиты не только возмещение убытков, но и запрет на подобное использование. Данный подход обычно приводит к большим убыткам нарушителя и зачастую блокировке его деятельности, что привлекает для использования европейской судебной системы крупные корпорации в достижении ими своих стратегических целей в патентных войнах.

2. При «американском» же подходе к реализации защиты исключительного права приоритетным для судов становится поиск гибкого и многовариантного баланса интересов сторон, даже в ситуации, когда был доказан факт правомерного использования ответчиком объекта патентной охраны, принадлежащего истцу. При-

³ Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2016. 340 с.

знание данного факта судом еще не означает, что подобное использование будет запрещено ответчику. Согласно ст. 283 Патентного закона США, при подтверждении нарушения патента суд исходит из принципов целесообразности и справедливости. При этом в силу ст. 284 указанного американского закона при вынесении решения в пользу истца суд присуждает ему компенсацию ущерба в достаточном размере с учетом особенностей нарушения⁴. Так, истцу, несмотря на то, что было доказано нарушение его патента, американским судом может быть отказано в защите его права, если в действиях истца усматриваются противоречия публичным интересам либо доказаны факты осуществления им исключительного права с целью ограничения конкуренции (например, диктат патентообладателем уровня цен; навязывание условий, невыгодных для контрагента; установление территориальных ограничений и т.п.), а также иные факты патентного злоупотребления (*misuse of patent*)⁵.

При этом, сравнивая указанные зарубежные подходы с российской судебной практикой, А. С. Ворожевич констатирует, что российские суды обычно в случае подтверждения нарушения исключительного права удовлетворяют иски как о выплате убытков, так и о пресечении действий, нарушающих право истца. При этом ими не исследуются такие факторы, как общественный интерес, добросовестность истца (патентообладателя), соразмерность мер защиты нарушению⁶.

Фактически российские суды следуют «немецкой» категоричной модели защиты интересов патентообладателей, что, с одной стороны, существенно повышает риски компаний (в частности, дженериковых) при инвестировании и локализации производства в России за счет возможных патентных споров с крупными западны-

ми патентодержателями, зарегистрировавшими большое количество «вечнозеленых» патентов, а с другой стороны, позволяет недобросовестным патентообладателям и дальше использовать патентную систему для ограничения конкуренции в своих интересах.

В контексте проводимого исследования нужно обратить внимание на учет публичных интересов в близких правоотношениях в области конкурентного права. По мнению А. Н. Варламовой, конкуренция — это публичное благо, наличие которого обеспечивает социально-экономическое благосостояние общества в целом и наилучшее удовлетворение как частных интересов отдельных лиц, так и публичных интересов неопределенного круга лиц — потребителей⁷. За нарушение антимонопольных требований, в частности повлекшее за собой ограничение доступности товаров, работ либо услуг, виновные лица несут предусмотренную действующим законодательством ответственность (ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Однако российское антимонопольное законодательство исходит из принципов:

1) нераспространения требований ст. 10 (запрет на злоупотребление доминирующим положением) Федерального закона «О защите конкуренции» на действия по осуществлению исключительных прав (ч. 4 данной статьи);

2) нераспространения требований ст. 11 (запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения) указанного антимонопольного закона на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности (ч. 9 данной статьи).

Можно присоединиться к критике негибкости данных положений российского антимонопольного законодательства, не учитывающих

⁴ United States Code. Title 35 «Patents» // URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/35> (дата обращения: 08.09.2023).

⁵ Ворожевич А. С. Исключительное право: сущность, принципы и пределы защиты // Вестник гражданского права. 2013. № 6. С. 41–83.

⁶ Ворожевич А. С. Указ. соч.

⁷ Варламова А. Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 6–9.

злоупотребление недобросовестными патентообладателями своими исключительными правами с целью неправомерного ограничения конкуренции.

Важно также отметить, что российское законодательство не использует предусмотренные международным правом возможности антимонопольного принудительного лицензирования либо использования иного правового инструментария для оперативного реагирования на антиконкурентные действия со стороны недобросовестных патентообладателей. Так, в силу ст. 10.bis Парижской конвенции об охране промышленной собственности государства — участники данной конвенции вправе обеспечивать эффективную защиту от недобросовестной конкуренции, в частности в сфере патентных правоотношений. В свою очередь, часть 1 ст. 40 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) допускает, что некоторые действия правообладателей интеллектуальной собственности могут неблагоприятно влиять на конкуренцию и препятствовать передаче и распространению технологий. При данных обстоятельствах ничто не препятствует странам — членам данного международного соглашения закреплять в своем законодательстве и принимать надлежащие меры для предотвращения злоупотреблений правами интеллектуальной собственности, оказывающих неблагоприятное влияние на конкуренцию (ч. 2 ст. 40 Соглашения ТРИПС).

Однако данные возможности до сих пор не получили надлежащего отражения в российском законодательстве.

Анализируя указанные выше положения Соглашения ТРИПС, Р. И. Ситдикова конкретизирует закрепленный в них принцип недопустимости злоупотребления интеллектуальными правами, а также выделяет злоупотребление правами интеллектуальной собственности в качестве отдельной формы злоупотребления правом⁸.

При исследовании аспектов злоупотребления исключительным правом в контексте дифференциации мер реагирования важно учитывать соблюдение критериев добросовестности со стороны правообладателей.

А. В. Волков приходит к выводу, что признание субъекта добросовестным либо недобросовестным означает признание его поведения правомерным либо неправомерным. Однако неправомерность в смысле недобросовестности порождает не наказание, а иные, более гибкие последствия, например блокировка возникновения прав и обязанностей (ст. 157 ГК РФ), поражение права на заявление о недействительности сделки (ст. 166 ГК РФ), возмещение вреда (ст. 1103 ГК РФ) и т.п. При этом В. С. Комарицкий отмечает, что недобросовестность предполагает поведение, не учитывающее интересы другой стороны в ситуации, когда у субъекта права была возможность их учесть, проявив должную заботу об интересах контрагента⁹.

Подобные подходы к учету недобросовестности поведения правообладателя при осуществлении им исключительных прав, а также к учету общественных интересов вполне могут быть применены при дифференциации уровня размера вознаграждения (соразмерной компенсации) патентообладателя при ограничении его прав. При этом для патентных правоотношений в сфере здравоохранения аспекты недобросовестности более многогранны, особенно в части учета общественных интересов по обеспечению доступности медицинских товаров, работ и услуг.

Как известно, требование по добросовестности действий для участников гражданских правоотношений и корреспондирующий ему запрет на извлечение преимуществ из недобросовестного поведения закреплены в ст. 1 ГК РФ. Указанные законодательные требования к добросовестности поведения приобретают особую значимость в отношении высоко социально зна-

⁸ Ситдикова Р. И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М. Ю. Челышев. М. : Статут, 2013. 159 с.

⁹ Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2016. 340 с.

чимых товаров, работ и услуг, в первую очередь в сфере охраны здоровья. Соответственно, при анализе добросовестности действий патентообладателей представляется целесообразным выделить особые аспекты, связанные с обеспечением доступности медицинской продукции. Обладание интеллектуальной собственностью при данных обстоятельствах не только дает исключительные права, но одновременно налагает дополнительные обязанности на ее владельцев, в частности, не просто воздерживаться от злоупотребления правом, но не допускать бездействия, влекущего ограничение доступности медицинской продукции, в которой применяются соответствующие результаты интеллектуальной деятельности.

Фактически недостаточную доступность либо недоступность высоко социально значимых товаров, работ и услуг, в первую очередь в сфере здравоохранения, в которых применяются объекты патентной охраны, можно расценивать как недостаточную добросовестность либо недобросовестность патентообладателей, влекущую возможность ограничения их исключительных прав на определенных законодательством условиях. При этом, конечно, необходимо учитывать конкретные обстоятельства данных негативных последствий и влияние на них действий (бездействия) патентообладателей при оценке возможности введения дифференцированных мер реагирования, в том числе в виде ограничения исключительных прав и уменьшения вознаграждения (соразмерной компенсации) соответствующих правообладателей.

Несколько иную точку зрения можно встретить в научной литературе. Например, по результатам исследования пределов осуществления исключительного права патентообладателей А. С. Ворожевич пришла к выводу, что для

реализации публичных интересов в использовании патентоохраняемых объектов, имеющих особое социально-экономическое значение, необходимо расширение пределов осуществления субъективных гражданских прав за рамки принципа незлоупотребления правом («заведомой недобросовестности»), предусмотренного статьей 10 ГК РФ. При конструировании системы подобных пределов необходимо исходить не только из характеристик преследуемых правообладателем целей, но и из значения объекта права, особенностей возникающего вокруг него конфликта интересов, в том числе не обусловленного недобросовестным поведением правообладателя¹⁰.

При этом нельзя согласиться с утверждением А. С. Ворожевич, что бездействие не образует ни реализацию права, ни злоупотребление правом. Данное ошибочное, на взгляд автора, утверждение привело А. С. Ворожевич к следующему необоснованному выводу: к обозначенным в ст. 1362 ГК РФ случаям принудительного лицензирования статья 10 ГК РФ автоматически не применяется¹¹. Комплексный анализ обеих частей ст. 9 ГК РФ позволяет сделать вывод, что применяемое в ст. 10 ГК РФ словосочетание «осуществление гражданских прав» включает в себя, в частности, бездействие правообладателя, которое является по своей сути пассивной формой реализации гражданского права. Данная позиция совпадает с мнением многих российских правоведов о том, что бездействие является пассивным осуществлением субъективного права¹². Кроме того, с субъективной точки зрения бездействие патентообладателя и связанных с ним лиц, повлекшее недоступность, например, лекарственных препаратов или медицинских изделий, в которых применяются объекты патентной охраны, невозможно назвать добросовестным.

¹⁰ Ворожевич А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. М. : Статут, 2018.

¹¹ Ворожевич А. С. Указ. соч.

¹² См., например: Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. М. : Норма, 2004. С. 423 ; Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. СПб. : Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. С. 390 ; Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 2002. С. 449.

Правовое регулирование размера вознаграждения (соразмерной компенсации) патентообладателей в условиях ограничения их исключительных прав

Часть 5 ст. 1229 ГК РФ допускает ограничение исключительных прав патентообладателей с обязательным сохранением за ними права на вознаграждение.

Российский Гражданский кодекс, регламентируя правила данных ограничений для правовых механизмов безлицензионного (бездоговорного) правомерного использования объектов патентной охраны без согласия их патентообладателей (предусмотренных частью 3 ст. 1359 и статьями 1360, 1360.1 ГК РФ), устанавливает обязательность выплаты соразмерной компенсации патентообладателям, чьи исключительные права ограничиваются. При этом по своей правовой природе данные выплаты являются вознаграждением, а не компенсацией¹³, поэтому далее в настоящей работе они будут именоваться вознаграждением.

Согласно принятой во исполнение ст. 1360 ГК РФ Методики определения размера компенсации патентообладателям, утвержденной постановлением Правительства РФ от 18.10.2021 № 1767, устанавливается единый фиксированный размер компенсации (вознаграждения) — 0,5 % от фактической выручки от производства и реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг, в которых использованы соответствующие объекты патентной охраны. В то же время в абз. 2 п. 2 данной Методики в редакции от 06.03.2022 в отношении патентообладателей, связанных с недружественными странами, устанавливается нулевая компенсация.

При сравнительном анализе положений ч. 1 ст. 1360 ГК РФ и абз. 2 п. 2 Методики определения размера компенсации патентообладателям можно сделать вывод об их противоречии. Однако логика правоприменительной практики обуславливает необходимость установления ответственности недобросовестных патенто-

обладателей, действия которых приводят к недоступности либо недостаточной доступности соответствующей продукции, в первую очередь социально значимых товаров. Для снятия указанных противоречий представляется целесообразным введение необходимой дополнительной регламентации анализируемых правоотношений, предложения по которой будут рассмотрены далее.

Для ограничений исключительного права патентообладателей в процессе принудительного лицензирования статьей 1362 ГК РФ устанавливается правило, что суммарный размер платежей (вознаграждения) за принудительную лицензию должен быть установлен судом не менее цены лицензии, определяемой при сравнимых обстоятельствах.

Таким образом, правовые механизмы принудительного лицензирования предусматривают, в частности, более комфортные варианты выплаты вознаграждения для патентообладателей, чьи исключительные права ограничиваются. Тем самым создаются предпосылки для добросовестного выполнения правообладателями соответствующих договорных правоотношений, хотя и основанных на судебном принуждении, но предусматривающих максимальную защиту их прав при принудительном лицензировании, в отличие от более жестких иных правовых режимов возможного ограничения их исключительных прав.

Нельзя не отметить, что при принудительном лицензировании статья 1362 ГК РФ не ставит размер вознаграждения патентообладателя в зависимость от его действий, влияющих на доступность товаров, работ либо услуг, в которых используется охраняемый результат интеллектуальной деятельности, что может провоцировать его бездействие либо недобросовестные действия по ограничению доступности, что нельзя признать допустимым в отношении социально значимых товаров, работ, услуг, в частности в сфере охраны здоровья.

¹³ Латынцев А. В. Отличие правовой природы принудительного лицензирования и возмездного безлицензионного использования объектов патентной охраны // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 56–68.

Предложения по дифференциации уровня вознаграждения (соразмерной компенсации) патентообладателей на примере сферы здравоохранения

С учетом вышеизложенного можно предположить следующие модели поведения патентообладателей и соответствующие им последствия, исходя из которых может быть дифференцирован уровень их вознаграждения (соразмерной компенсации) в условиях ограничения исключительных прав:

1. Фармацевтические или медицинские товары (работы, услуги), в которых применяются объекты патентной охраны, являются доступными на российском рынке в необходимом количестве и ассортименте.

То есть патентообладатели и связанные с ними производители фармацевтических и медицинских товаров (работ и услуг) предпринимают все зависящие от них действия для обеспечения доступности на российском рынке товаров, работ и услуг, для производства, выполнения и оказания которых использованы объекты патентной охраны. К данным действиям могут быть отнесены, например, поставки товаров в достаточном количестве и максимально широком ассортименте, заключение необходимых для обеспечения доступности таких товаров (работ, услуг) лицензионных договоров с российскими производителями, договоров по трансферу технологий и т.п.

Соответственно, нет основания для ограничения исключительных прав указанных добросовестных патентообладателей, а размер их вознаграждения определяется сторонами лицензионных и иных правоотношений в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Более того, в этом случае должен создаваться максимально благоприятный режим для ведения ими деятельности на территории России, включающий по возможности заключение офсетных контрактов, налоговые и иные льготы и преференции с целью дальнейшего расширения доступности на российском рынке соответствующих товаров, работ и услуг в сфере охраны здоровья.

2. Фармацевтические или медицинские товары (работы, услуги), в которых приме-

няются объекты патентной охраны, присутствуют на российском рынке, но недостаточно доступны вследствие неэффективности действий патентообладателей и связанных с ними производителей.

В этом случае должны создаваться правовые механизмы для уведомления патентообладателей о необходимости предпринятия ими действий, направленных на обеспечение доступности товаров (работ, услуг) на российском рынке в необходимом количестве и ассортименте.

При неэффективности действий патентообладателей, приводящих к недостаточному предложению товаров, работ или услуг на российском рынке, должны также предприниматься меры по поощрению выдачи принудительных лицензий в установленном законодательством порядке. В силу требований ст. 1362 ГК РФ вознаграждение патентообладателя, с одной стороны не злоупотребляющего своими исключительными правами, но, с другой стороны, не являющегося достаточно эффективным для обеспечения доступности товаров (работ, услуг), определяется в решении суда не ниже лицензионных платежей при сравнимых обстоятельствах.

В случаях, предусмотренных статьей 1360 ГК РФ, в том числе при недостаточности мер по принудительному лицензированию, за российским правительством закреплено право на принятие решений об использовании объектов патентной охраны без согласия патентообладателей, но с выплатой им соразмерной компенсации (вознаграждения), рассчитанной по методике, утвержденной также российским правительством. Как было указано выше, при данных обстоятельствах размер вознаграждения (соразмерной компенсации) патентообладателей обычно намного меньше, чем они могли бы получить при заключении лицензионных договоров или при принудительном лицензировании.

3. Фармацевтические или медицинские товары (работы, услуги), в которых применяются объекты патентной охраны, присутствуют на российском рынке, но они недостаточно доступны вследствие ограничения конкуренции, связанной со злоупотреблением патентообладателями своими исключительными правами.

Отдельно предлагается рассмотреть ситуации, когда фармацевтические или медицинские товары недостаточно доступны в первую очередь из-за неоправданного завышения цен, связанного с ограничением конкуренции и иными злоупотреблениями со стороны патентообладателей. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускается ограничение конкуренции с использованием гражданских (в том числе исключительных) прав. При несоблюдении данного требования судам предоставлено право отказать, в том числе патентообладателям, злоупотребляющим своими правами, полностью или частично в защите принадлежащих им прав. Таким образом, при получении доказательств использования исключительного права в целях ограничения конкуренции либо злоупотребления доминирующим положением на рынке суд может принять решение, в частности, об отказе в защите права патентообладателя на получение вознаграждения (полностью или частично) за использование принадлежащего ему объекта патентной охраны.

Необходимо также обратить внимание, что пункт «к» ст. 31 Соглашения ТРИПС допускает возможность корректировки (уменьшения) размера вознаграждения патентообладателей для исправления практики, определенной в результате судебных или административных процедур в качестве антиконкурентной. При этом указанный пункт «к» ст. 31 Соглашения ТРИПС дает возможность государствам — членам соглашения не применять условия, изложенные в п. «b» (об обязательном досудебном обращении заинтересованного лица к патентообладателю с предложением получить разрешение на использование объекта патентной охраны, то есть заключить лицензионный договор) и п. «f» (о первоочередном обеспечении потребностей внутреннего рынка) указанной статьи Соглашения ТРИПС.

Представляется целесообразным ввести соответствующие правовые механизмы антимонопольного принудительного лицензирования в российское законодательство, а также конкретизировать в нем возможность и детали уменьшения размера вознаграждения (вплоть до его лишения) для патентообладателей, злоупотребляющих своими исключительными правами, что приводит к ограничению конкуренции.

4. Фармацевтические или медицинские товары (работы, услуги), в которых применяются объекты патентной охраны, отсутствуют на российском рынке.

То есть патентообладатели и связанные с ними производители товаров, работ и услуг либо отказываются работать на российском рынке, либо бездействуют, в частности, при выполнении решений российских судов по принудительному лицензированию, либо препятствуют выходу на российский рынок или обороту на российском рынке товаров, работ и услуг, для производства, выполнения и оказания которых использованы объекты патентной охраны.

При данных обстоятельствах действия или бездействие данных патентообладателей следует считать заведомо недобросовестными и расценивать как злоупотребление правом (ч. 1 ст. 10 ГК РФ).

Как и при злоупотреблениях, рассмотренных в предыдущем пункте, при анализируемых обстоятельствах судам также предоставлено право отказать, в том числе патентообладателям, злоупотребляющим своими правами, полностью или частично в защите принадлежащих им прав с учетом характера и последствий допущенных злоупотреблений, а также применить иные меры, предусмотренные законом. Так, суд вправе принять решение об отказе в защите права патентообладателя на получение вознаграждения (полностью или частично) за использование принадлежащего ему объекта патентной охраны.

Более того, при отсутствии на российском рынке при анализируемых обстоятельствах фармацевтических либо медицинских товаров (работ, услуг), в которых применяются объекты патентной охраны, должен быть использован в полном объеме весь правовой арсенал в целях обеспечения их доступности.

В частности, представляется целесообразным закрепить и конкретизировать в российской правовой системе правила о лишении недобросовестных патентообладателей права на получение вознаграждения (соразмерной компенсации) за использование принадлежащих им объектов патентной охраны в порядке принудительного лицензирования либо безлицензионного (бездо-

говорного) правомерного использования объектов патентной охраны без согласия их патентообладателей, предусмотренных частью 3 ст. 1359 и статьями 1360, 1360.1 ГК РФ, в целях закрепления возможности оперативного реагирования на злоупотребления в патентной сфере, приводящие к недоступности социально значимых товаров, в частности в сфере здравоохранения.

Наконец, отдельно должен быть рассмотрен вопрос правового реагирования на ситуации злостного злоупотребления патентообладателем своими правами, связанные, в частности, с рецидивом активных действий по воспрепятствованию доступности в России товаров, работ, услуг в сфере охраны здоровья. Предлагается воспользоваться возможностью, предусмотренной частью 3 ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности, в части лишения прав на патент. Здесь необходимо учитывать, что данную возможность указанная международная правовая норма предусматривает только для обстоятельств, когда принудительное лицензирование является недостаточным для предотвращения злоупотреблений при осуществлении исключительного права, к которым относится в том числе неиспользование изобретения. Аннулирование патента либо лишение прав на патент часть 3 ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности обуславливает истечением 2-летнего срока с даты выдачи первой принудительной лицензии.

Данная процедура не предусмотрена действующим российским законодательством, и ее применение требует предварительной ликвидации соответствующего правового пробела.

Выводы

С учетом вышеизложенного представляется целесообразным внести в российское гражданское

законодательство изменения в части закрепления правил о дифференциации уровня вознаграждения патентообладателей, исключительные права которых ограничиваются, например, в порядке ст. 1362, 1360 либо 1360.1 ГК РФ, в зависимости от описанных выше ситуаций.

Предлагаемая дифференциация позволит, с одной стороны, стимулировать патентообладателей к более активным действиям, направленным на обеспечение доступности товаров, работ или услуг, в которых используются принадлежащие им объекты патентной охраны, так как, например, они смогут получать более высокое вознаграждение при активном участии и содействии данным процессам, а с другой стороны, в правоприменительной практике судам и иным органам государственной власти более справедливо и унифицированно реагировать на действия или бездействие правообладателей, приводящие к проблемам с доступностью, в частности, фармацевтических и медицинских товаров (работ, услуг), в том числе уменьшать (вплоть до обнуления) вознаграждение недобросовестных патентообладателей.

При этом, на взгляд автора, является несправедливым уравнивание всех зарубежных патентообладателей, связанных с недружественными странами, и обнуление размера их вознаграждения при ограничении их исключительных прав в ситуациях, указанных в ст. 1360 ГК РФ, что предусмотрено, например, в абз. 2 п. 2 Методики определения размера компенсации патентообладателям. Более целесообразной для поощрения продолжения и расширения деятельности зарубежных патентообладателей на территории нашей страны является предложенная в настоящей работе дифференциация уровня вознаграждения в зависимости от модели их поведения и связанной с ней доступностью в России товаров, работ и услуг, в которых используются соответствующие объекты патентной охраны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Варламова А. Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. — 2020. — № 1. — С. 6–9.
2. Ворожевич А. С. Исключительное право: сущность, принципы и пределы защиты // Вестник гражданского права. — 2013. — № 6. — С. 41–83.

3. Ворожевич А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. — М. : Статут, 2018. — 320 с.
4. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства : монография / А. А. Аюрова, О. В. Гутников, С. А. Синицын [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Синицын. — М. : ИЗИСП, Контракт, 2019. — 208 с.
5. Латынцев А. В. Отличие правовой природы принудительного лицензирования и возмездного безлицензионного использования объектов патентной охраны // Журнал российского права. — 2023. — № 3. — С. 56–68.
6. Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 4 (149). — С. 93–104.
7. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. — СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005.
8. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. — М. : Норма, 2004.
9. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2016. — 340 с.
10. Ситдикова Р. И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М. Ю. Чельшев. — М. : Статут, 2013. — 159 с.
11. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. — М. : Юристъ, 2002.

Материал поступил в редакцию 18 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Varlamova A. N. Printsip svobody dogovora v konkurentnom prave // Konkurentnoe pravo. — 2020. — № 1. — С. 6–9.
2. Vorozhevich A. S. Isklyuchitelnoe pravo: sushchnost, printsipy i predely zashchity // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2013. — № 6. — С. 41–83.
3. Vorozhevich A. S. Predely osushchestvleniya i zashchity isklyuchitel'nogo prava patentoobladatelya. — М.: Статут, 2018. — 320 с.
4. Zashchita isklyuchitel'nykh prav na izobreteniya, ispolzuemye v lekarstvennykh preparatakh: problemy pravovogo regulirovaniya i napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatelstva: monografiya / A. A. Ayurova, O. V. Gutnikov, S. A. Sinitsyn [i dr.]; отв. ред. О. В. Gutnikov, S. A. Sinitsyn. — М.: IZISP, Kontrakt, 2019. — 208 с.
5. Latyntsev A. V. Otl'ichie pravovoy prirody prinuditel'nogo litsenzirovaniya i vozmezdno bezlitsenzionnogo ispolzovaniya obektov patentnoy okhrany // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 3. — С. 56–68.
6. Mokhov A. A. Kontseptsiya pravovogo regulirovaniya meditsinskiy deyatel'nosti // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — Т. 18. — № 4 (149). — С. 93–104.
7. Polyakov A. V., Timoshina E. V. Obshchaya teoriya prava: uchebnik. — SPb.: Izd. dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005.
8. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. akademika RAN, d-ra yurid. nauk, prof. V. S. Nersesyantsa. — М.: Norma, 2004.
9. Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatelskoy deyatel'nosti: monografiya / V. K. Andreev, L. V. Andreeva, K. M. Arslanov [i dr.]; отв. ред. В. А. Vaypan, М. А. Egorova. — М.: Yustitsinform, 2016. — 340 с.
10. Sitdikova R. I. Obespechenie chastnykh, obshchestvennykh i publichnykh interesov avtorskim pravom / nauch. red. М. Yu. Chelyshev. — М.: Статут, 2013. — 159 с.
11. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. V. K. Babaeva. — М.: Yurist, 2002.